

Годовая цѣна I-го изданія:

Съ 12 разсрѣженными платежами:

Въ С.-Петербургѣ божь доставили . . .	4 р. — к.
— съ доставкой . . .	5 » — »
— съ пересылкою . . .	6 » 76 »
Въ Москвѣ божь доставили . . .	4 » 76 »

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“

Выходитъ въ недѣлю 48 номеровъ на полъ съ 1200 иллюстрациями рисованными въ текстѣ, 12 страницъ выкройки, 6 страницъ записокъ изъ путешествій и прочаго и 12 или 24 разсрѣженными платежами напередъ меся.

Объявленія въ журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ принимаются въ Конторѣ Редакціи и въ лавкѣ зала за тѣмъ же по 10 коп. за строку печати или за ея мѣсто.

Годовая цѣна II-го изданія:

Съ 12 разсрѣженными платежами:

Въ С.-Петербургѣ божь доставили . . .	8 р. — к.
— съ доставкой . . .	6 » — »
— съ пересылкою . . .	7 » — »
Въ Москвѣ божь доставили . . .	6 » — »

Содержаніе: Мари Дѣва Свѣта. — Современныя нравы парижанокъ. — Фанатизмъ. — Сѣтъ. — Скетчерскіе. — Промѣна въ описаніи рас. № 5. — Промѣна. — Обманка.

Мари.

ДѢВА СВѢТА.

(Восточная легенда, съ самыхъ древнихъ вѣковъ существующая на Востоку).

Персидскій шахъ Надиръ, былъ человѣкъ унылый и добраго сердца. Онъ управлялъ царствомъ болѣе тридцать лѣтъ; народъ его необыкновенно любилъ. Ему было девяносто пять лѣтъ, когда онъ рѣшился оставить государственныя заботы и передать правленіе одному изъ трехъ своихъ сыновей. Старшему сыну Абдуу, было двадцать три года, второму, Гуссейну, двадцать и третьему Али, девятнадцать. Всѣхъ троихъ сыновей онъ любилъ одинаково, это рѣдкость не только на Востоку, но и въ Европѣ. Престолонаследіе неопредѣленно кореннымъ закономъ въ Персіи.

Въ одно прекрасное утро, Надиръ, совершивъ омовеніе и молитву, по мусульманскому закону, позвалъ къ себѣ сыновей. Они предстали предъ свѣтлымъ окомъ владыки Персіи.

— Садитесь!

Сыновья сѣли, сѣлъ и Надиръ и глубоко задумался; потомъ, какъ бы очнувшись, поднявъ голову нѣсколько выше, потянулъ свою широкую, сѣдую какъ лунъ бороду и началъ говорить:

— Дѣти мои! я старъ и дряхлъ. Нѣсколько дней мо я жизнь, хочу провести въ созерцаніи мира великаго пророка. Великій пророкъ Мухамедъ, внушилъ мнѣ передать бранды правленія одному изъ насъ; но которому именно, онъ мнѣ не извѣстенъ. Богатства я не стяжалъ отъ моего долголѣтняго правленія царствомъ. У меня есть только три любившихъ мною предмета: престолъ моего царства, священный мечъ пророка и неопансианной красоты дѣва, пѣнница въ Бѣломъ царствѣ, которая должна быть первою женою одного изъ насъ. Бросьте жребій, кому то достанется и потомъ оставьте мнѣ доволны тѣмъ, что кому будетъ принадлежать. Такъ велитъ великій пророкъ. Престолъ даетъ царство; мечемъ можно завоевать многое и охранить свое царство; женщина можетъ все достатки и престолъ и войнство и злато. Одному другому помогать; одно безъ другаго быть не можетъ. Поэтому и вы, дѣти мои, по смерти моей, живите согласно, нераздѣльно и цар-

ство наше будетъ сильно и изодолжно. Это мое непременное завѣщаніе; извѣстите его и ожидайте страшныхъ бѣдъ.

— Будете жить единодушно и управляли царствомъ въ троихъ, народъ нашъ будетъ видѣть въ трехъ насъ братьяхъ, какъ бы одно лицо, — сказалъ Надиръ.

— Этого и я требую. Бросьте же жребій; вотъ три ластика шерстяныхъ, на нихъ написано кому то достается. Берите каждый ластикъ изъ моей руки.

Надиръ положилъ на залонъ три зеленыхъ ластика изъ растенія, украшающаго рай магюмета, которые ему нѣкогда подарилъ какой-то святой пустынный, всю жизнь проведенный въ созерцаніи духовнаго мира. Первый шерстяной ластикъ звалъ Али, потомъ Гуссейну, а остальной Абдуу.

Али досталъ дѣва, Гуссейну — мечъ, а Абдуу — престолъ. Казалось сыновья остались довольны выпавшими жребіями.

— Повторю: будьте довольны тѣмъ, что выпало на долю каждого. Жребіемъ невидимо управлялъ великій пророкъ. И такъ, ты Абдуу, преемникъ моего престола. Ты Гуссейну, поучаешь мечъ, которымъ въ битвахъ препоясывался великій пророкъ; — храни эту величайшую святыню. Тебѣ Али досталась пѣнница изъ Бѣлаго царства, имя ее Мари (Маріа). Престолъ и твердо поставь, ты его не пошатишь Абдуу; со славою и счастливо царствуй; тотъ государь, который любитъ народъ и ненавидитъ войны. Марюмъ, любовно и мужествомъ прославляешь царства. Мечъ священный, ты его Гуссейну, неспалитъ кровю своихъ единокровныхъ, но поражаешь всѣхъ противниковъ и враговъ великаго пророка Магомета. Дѣвица — это магій, дивный востокъ, изъ котораго ты Али можешь сдѣлать все прекрасное, великое и все гадкое и низкое. Женщина — мечъ обоюдоострый, напичканный ядомъ; женщина соединяетъ рай и адъ; женщина возмущаетъ мужа до вышнихъ предѣловъ рай, быстро и сильно его проходитъ, какъ жителяница его; женщина извергаетъ мужа изъ исподня пропасти ада, также быстро и сильно его проходитъ, какъ жителяница тѣмъ преселенной. Женщина безъ престола управляетъ царствами, — безъ меча поражаетъ несмѣтныя силы войнствъ и заливаетъ огромныя пространства земли кровью

человѣческому; безъ злата добываетъ все то, что не купишь ни златомъ и ни за явни сокровища въ мірѣ. Но, Абдуу, помни, что мечъ злата Мари, что мечъ доставлялъ въ руки твоего отца ту часть земли того народа, въ которой жила Мари; при этомъ поговѣло пазато. И такъ престолъ, мечъ и женщина, три предмета великаго и равнотыны. Опаснѣе изъ всѣхъ — женщина. Да освѣтитъ вѣсть, дѣти мои, невидимо сила великаго пророка и да низойдетъ на главы и въ сердца ваши его благодать. Идите, я предаю небесному созерцанію и возблагодарю пророка за его милости ко мнѣ и намъ.

II.

Утромъ, на другой день, во дворцѣ шаха собрались всѣ его приближенные именные люди персидскаго царства. На дворѣ дворца, среди роскошной зелени ароматическихъ восточныхъ растеній, были великолѣпныя фонтаны розовой воды; тысячи цвѣтовъ разносили въ воздухѣ нѣжное благоуханіе. Группами, по пять, по шесть человѣкъ, приближенные сидѣли на коврахъ, поджавши подъ себя ноги и курили кальяны. Черные евнухи и прислужники безпрерывно перебѣгали отъ одной группы къ другой, подавая то кою, то шерберъ.

Владыка Персіи въ тѣ минуты совершалъ, по своему обычаю, уменіе и молитву пророку, а затѣмъ короткое время посещалъ духовному созерцанію мира, неграмотно простыми смертными. Созерцаніе это состояло въ томъ, что вымывши порозочную лоду ошія, въ трубку табакъ, Надиръ грѣялся явля дивная, чудно чудима и онъ былъ увѣренъ, что плазды, происходящая отъ объясненія ошюмъ, ничто другое, какъ явленіе ему міра духовнаго, по непереносной къ нему милости великаго пророка — люди веждъ лоды.

Въ передній залъ дворца, всѣ стѣны были покрыты широкими красными, синими и зелеными полосами и вдоль этихъ полосъ золотыми буквами начертаны нарѣченія изъ Корана. Но средній залъ былъ роскошныи фонтанъ ароматической воды; кругомъ стѣны розового, мараморнаго резервуара фонтанъ, тутами лежали дорогие фрукты восточнаго. На небольшомъ возвышеніи, верхкомъ восемь отъ пола, сдѣланномъ въ родѣ широкаго стола, покрытомъ бархатнымъ ковромъ, лежалъ священный мечъ, свитокъ и

золотая, искусно сфранная роза съ листьями; въ средину этого искусственного цвѣтка былъ вѣдланъ огромный алмазъ.

Долго и очень долго, придворные ожидали выхода великаго шаха. Но нѣсколько чашекъ кофе выпила она, по нѣскольку кальяновъ выпила, все въ нетерпѣливомъ ожиданіи подача знава войти въ залу дворца и предстать предъ очи шаха; наконецъ дождалась. Изъ дворца, поддерживаемый подъ плечи двумя неграми, вышелъ събѣж какъ-то старикъ, обремененный въ широкій и длинный хаалатъ, золотистаго цвѣта тармаками. Обратясь къ сидѣвшимъ въ роскошномъ цвѣтничкѣ, онъ сказалъ: «Исполно слово и за нимъ высказалъ изъ дворца толпа молодыхъ арабовъ, которые съ почтительными поклонами подошли къ старѣйшимъ придворнымъ, валили ихъ подъ плечи и все это двинулось длинной веренией во дворецъ.

Быстро зала наполнилась смиренными приближенными, которые несмѣло расстались у стѣны залы, на порогахъ, запыленныхъ диванами, и въ безмолвіи, съ понижениемъ головы, ожидали выхода шаха.

Черезъ нѣсколько минутъ, вошли три сына шаха, обремененные въ золотые парчевые хаалаты, въ бѣлыхъ чалмахъ и, съ понижениемъ головы, съ потупленными взорами, сѣли на указанныя имъ старѣйшимъ Зейнаманъ мѣста; за ними шли стѣны, съ обремененными шапками, шесть ихъ гълангистовъ. Почти вслѣдъ за ними вошли шахъ. Въ повернулся лишь головою къ полу и остался въ такомъ положеніи, пока шахъ не утѣлся на свое мѣсто, на небольшомъ миткомъ коврѣ, расположенномъ у фонтана, почти посреди залы. Зейнаманъ, исполняющій должность церемоніеистра, подалъ шаху чашечку кофе и кальянъ.

Шахъ потянулъ дымокъ изъ кальяна, хвѣтуху кофе въ чашечку, подложилъ голову вверхъ и прокричалъ какіе то два три слова. Присутствовавшие подняли головы и сложили руки на груди, рабы ожидали что будетъ далѣе.

Зейнаманъ вышелъ. Въ залѣ всѣ безмолвно стояли; слышно было даже жужжанье мухъ, пошавшейся въ углу они въ стѣнѣ паука.

На золотомъ блудѣ, Зейнаманъ поднялъ обвернутый въ зеленую тафту свертокъ; за нимъ саблована двѣнадцать стѣснатицъ; свѣтлорусые прекрасные, густые въ волосахъ надели по плечамъ; блынные, большіе голубые глаза и тонкій румянецъ на блонномъ оваломъ лицѣ доказывали, что она не дочь юга, а красавица съвернаго царства. Длинная, блыная, индѣйской кривизны тѣнь, устлыная золотистыми афандоми, прикрыла ее съ головы до ногъ. За нею рядкомъ шли три восточныя женщины, наблѣныя и нарумяненные до отвращенія; зубы ихъ были окрашены коричневою краскою, головы были покрыты до плечъ блыными покрывалами; длинныя и широкіе шаровары пундового цвѣта, запыленные остальною одеждою, въ рукахъ онѣ держали огромный неглишнй вѣеръ. Зейнаманъ подвелъ дѣву съверна къ шаху; три женщины стали позади ее. Шахъ, казался, сидѣлъ на своемъ миткомъ сидѣнѣ, обремененный съ трехъ сторонъ пухлыми подушками. Дѣва съверна твердою поступью стала предъ шахомъ; женщины востока робкоздно преклонялись предъ нимъ. Шахъ едва изъ видѣть, или скорѣе, исполнивъ восточный этикетъ, не хотѣлъ видѣть эти уныныя.

Зейнаманъ на золотомъ блудѣ подвелъ шаху свѣтло; онъ бездумно валилъ его съ блуда, подложилъ къ верху отблѣвшаго вѣяна, и обратился къ присутствующимъ, сказалъ:

— Отнынѣ царствомъ будетъ управлять старѣйшій сынъ мой Абдулъ. Повинуйтесь ему, а вы отхожу на покой: великій пророкъ повелѣлъ мнѣ остальные дни жизни мои провести въ созерцаніи его духовнаго міра. Я старъ и хрихлъ, а уже не жалею этого суетнаго міра. Пови-

нуйтесь ему, какъ повиновались мнѣ; онъ повелѣлъ васъ, въ его полюбите, въ этомъ заключается слава и сила нашего царства! Второй сынъ мой получаетъ отъ меня ставло мечъ пророка, конья наше царство стало сильно и непобѣдимо. Третій сынъ мой получаетъ дѣву, вѣнчанную въ блыномъ царствѣ. Жребіемъ своимъ они довольны. Три сына моихъ да васъ составляють одно неразрывное, да слымы обшей. Абдулъ, нѣтъ тебѣ свѣтло, конья и свѣтлостую предъ сонмомъ наблѣнныхъ моихъ совѣтниковъ, о передай тебѣ моего царства.

Абдулъ съ пониженою головою, подошелъ къ Надиру и принялъ отъ него свѣтло, и по восточному обычаю, поцѣловалъ конецъ парчеваго хаалата отца своего.

— Гуссейпъ, вотъ тебѣ мечъ великаго пророка Магомета.

Гуссейпъ валилъ мечъ, а Зейнаманъ преподсалъ мнѣ Гуссеина, который также поцѣловалъ край одежды Надира.

— Али, вотъ и тебѣ роза,—знакъ красоты и непорочности этой дѣвы, которая достается тебѣ.

Надиръ подалъ Али золотую розу.

— Марі, ты отнынѣ его жена, — поцѣлованъ пронылся Надиръ.

Марі никакъ неронила; она смотрѣла да не встала какъ автоматъ. Зейнаманъ подвелъ Марі къ Али. Али валинулъ на нее и едва замѣтная улыбка проблѣла по его лицу. Али былъ красавицей молодой неранимой; черные его усики и едва проблѣвшія бороды на смугломъ лицѣ, валили довершали типъ восточной красоты мужчины.

Таковыя жребіи ихъ, предначиненныя великимъ пророкомъ; онъ валилъ согласенъ и съ своимъ давнишнимъ навлѣреніемъ. Абдулъ будетъ править царствомъ; Гуссейпъ будетъ его охранять отъ всѣхъ враговъ, конья поблѣдитъ слышеннымъ мечемъ пророка; Али будетъ бластитъ внутреннюю гражданскую жизнь въ царствѣ и народъ будетъ благодарствовать.

Сказавши это, Надиръ валилъ въ духовное созерцаніе міра пророка, по просту сказать, опачитый отъ оупама, при своей драхости уснулъ.

Промало болѣе получаса и въ эти минуты всѣ сидѣли, а другіе стояли предъ нимъ, вѣтрогали съ мѣста и даже нешевельва, боясь нарушить неземное состояніе Надира. Онъ очутился, приподложивъ толстыя и болыныя вѣяна, подвалъ зналъ рукою, что все уже кончено и при помощи окружавшихъ его подлеса; всѣ бросились вѣнчать его одежу.

Надиръ ушелъ; ушли его сыновья и ушли женщины дѣву съверна. Два дворца по прежнему опустыла и только слышалась плѣскъ ароматическихъ струй фонтана.

III.

Промало десяти лѣтъ. Надиръ давно согнулся въ лежку; престарѣлый Зейнаманъ, вѣрный помысливъ, другъ и совѣтникъ Надира, послѣдовалъ за своимъ владыкой; мѣсто его занялъ сынъ его Ибрагимъ.

Абдулъ пошелъ по стопамъ своего отца; по запыти престола, онъ скоро началъ предаваться, подобно отцу своему, созерцанію духовнаго міра. Утоная въ нѣтъ и роскоши, онъ мѣталъ объ удовольствіи своего жезудка и о обогащеніи своего гарема красавицами. Красота Марі недалека ему кокой ни дивны ни ночью. Это посаво разошелся онъ по всѣмъ странамъ, досталъ ему дѣву красоты превосходяще Марі; нежданно онъ золота и драгоцѣнныхъ камней; отдавалъ онъ полъ царства своего, лишь бы гдѣ либо достать дѣву превосходящую по красотѣ Марі; и навелъ ему со всѣхъ царствъ и странъ свѣта сотни дѣвъ и на одна изъ нихъ не могла сравниться съ Марі.

Гуссейпъ, очертя голову слышеннымъ мечемъ,

бросился завоевывать османскія землі, единственно лица всюду дѣвы, которая бы превзошла красотою Марі. Покорилъ онъ часть Хи-ви въ Бухару, вторгся въ Индію, валивалъ готинъ дѣвъ; гаремъ его сталъ тотъ же городъ и было много красавицъ въ томъ гаремѣ, но Марі превосходила всѣхъ ихъ красотою. Два старшихъ брата запыдовали меньшему и гнали его.

А несчастною Али, съ утра до вечера, каждый день, выражался родимымъ языкомъ, Марі мыла голову.

— Ты грѣшишь, пророкъ въ наказаніе а мое беззаконіе, посылалъ мнѣ въ жребій женщину Ю, великій пророкъ, валилъ меня отъ этого лютаго злѣва, отъ этого все пожарающего, все уничтожающего чудовища. А за горемъ не чувствую твоихъ благъ жаниа, а ужасный страдалецъ на свѣтѣ... Освободи меня хоть на минуту отъ женъ!...

— Ты же речеши на пророка, что посылалъ меня тебѣ въ жену! — закричала Марі, услышавши однажды громко проносимыя моленія своего обладателя. — Такъ ты воображаешь, что а тебѣ должна во всемъ повиноваться, а не ты мнѣ? ахъ, ты безсудный! ахъ, ты гаупецъ изъ всѣхъ гаупцовъ, и ты валидуешь все валивать надо мною! — Ничтожное созданіе!... съ презрѣніемъ говорила Марі. — Твой отецъ далъ за меня любимышаго своего арабскаго жребію, которому не было цѣны въ его царствѣ. Значить а дороже всего золота, какое найдется въ его царствѣ. И ты же съмысли находишь на меня, ничтожное созданіе! ты дождешься ногъ мои пѣнать въ а день и ночь, что а управлю тобою. Ахъ, ты негодникъ! глывно преступивши ножомъ, и все болѣе и болѣе сердясь, кричала Марі. — Да и не одинъ тобою назначена а управлю; твои братъ также мнѣ подвластенъ какъ и ты; а дѣвъ владычества; а владычица персидскаго царства и не твой Абдулъ, мнѣ не нуженъ силой мечъ, конья преподсалась тебѣ Гуссейпъ, тотъ мечъ дава мнѣ вѣнчаніе жаниа. И дѣсь все, люда и вы три брата и все ваше царство должно благодарить предъ мною и безрассудно мнѣ покоряться. Помни, а не валичина востока, а роза съверна. И никогда и ни предъ кѣмъ не клоню шею; въ жилахъ моихъ не течетъ кровь чернокожой рабыни, а кровь съверной дѣвы. И вольная, а свободная какъ вихрь безпрестанно проносимая надъ землею, какъ морская волна, разбивающая корабли, конъ валидуемъ ее отогнать. И молнія, которую не уловите вы, но которая васъ поразитъ.

Али обробѣлъ; изъ глазъ его ручьями потекли слезы. Онъ ували на колыни предъ глывною Марі и началъ умолять ее о прощеніи.

— Презрѣнный, малодушный мальчишка! прочь отъ меня, ты меня недостойнъ, — и опитъ съ глывномъ толпушны ножомъ, Марі ували въ свою комнату.

Послѣ этого Али былъ ниже предъ Марі, нежели шивадыкъ предъ своимъ учителемъ.

IV.

На небесномъ персидскаго царства соблавились кровавыя туши. Три хана, валиныя подвластные царству, возстали противъ шаха и людаина ихъ съ трехъ сторонъ окружили Персію.

Поконный Надиръ былъ странно грозенъ со-сѣдямъ; за то сынъ его, женолобный до крайности, нѣжный и добросердечный до порока былъ въ глазахъ хановъ ничтожнымъ валадѣ леж. Онъ рѣшился отторгнуться отъ Персіи заново; значительную часть владѣній Абдула валилъ его войско и народъ и потребовалъ зиа чинительнаго выкупа.

Во дворѣ шаха, въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершалась раздача по жребію провинцій Надира, собрался совѣтъ всѣхъ приближенныхъ и мудрецовъ, къ Абдулу; отъ бездѣлствія шаха дошло до того, что подлѣща хановъ Хиаскаго и Бухарскаго, грозили раззорить всю

Персию и палить Шаха и его братьев. Наконец, надобно было посудить, что делать.

Во дворец собралось до трехсот старших, мудрейших и преданнейших шаху людей. Все они очень хорошо понимали отчаянное положение царства и ни один из них не знал, что делать; для защиты не было достаточно войска, оружия, денег и даже порядочных военно-начальников, которые бы сумели предводительствовать войском.

Войдя в залу смиренные мурецы и советники, рассказали у стены ея, на коврах, поджавшись под себя ноги, закурили какалы и из созерцания самих себя, каждый начал придумывать средства как спасти царство. Может быть чрез шах, может быть, как убавил мурецы, дали знать, что в залу совета идти шах и его братья.

И вот слабый плащадка царства, появился у входа, съевший главою, ошеломленный тяжкими событиями; за ним шли его братья. Все наливши, шах и братья его ушли, и шах позвал знаку, чтобы мурецы приподнялись и слушали его.

— Злые враги дерзнули нарушить нас спокойствие; я хочу пригрозить наказанье дерзавшим, но это могу сказать вас на совете. Говорите, что мы должны предпринять.

Всё молчали.

— Что же вы молчите, разве нет средств к наказанию врагов?

По перемену всё молчали.

— Я вас сюда созвал не для того, чтобы сидеть вас, когда вы безмолствуете. Ибрагим, выскажи твою мысль! обратился к своему первому военачальнику, спросил шаха.

Старый, драхмид, низинный и согбенный из дугу Ибрагим встал на ноги и начал говорить:

— Надобно собрать войско, приобрести оружие; для этого поехать, владью Персия, отпустить из казны твою золоту.

— Хорошо: а ты Мустава, какой совет дашь? спросил шах, обратился к советнику по внутренним делам царства.

— Надобно рассорядиться, чтобы персские не давали хабла, лошадей и баранов, когда враги займут какую либо область твоего царства и будут требовать от твоего народа дани.

— Хорошо, а ты Магомед-Азу, что посоветуешь,—спросил шах у представителя духоношества своего царства.

— Надобно, владыко, высказать великому пророку молитвы утром и вечером всему твоему народу о спасении твоего царства.

— И это хорошо. А вы же советники и мурецы царства моего, что вы посоветуете? Долго всё молчали, потому один из советников мудреный приставал, сдвигая земной полотно пред шахом и начал говорить:

— Великий и необходимый шах! для спасения твоего необходимого царства, следует пригласить все три совета твоих главных советников, т. е. молиться дежно и ночью великому пророку, объ избавлении царства твоего от вражеских нашествий; затем собрать войско и двинуться на врагов, а народу предложить морить врагов голодом и царство твое останется необходимым.

— Так, так, так!—закричали все советники и мурецы.

В то самое мгновение, в верхней части залы совета, на галерее, закрытой медною узорающей деревянною решеткою, раздался громкий свист и послышался женский голос. Шах обратился взором вверх на галерею, с которой любознательности женщины и одианки шли гаремных шах и его братьев. Чрез пять, много три минуты, из залы совета вышел начальник енухов, шалх шел пред шахом и поднимался по знаку Абдула, сказал:

— Великий и необходимый повелитель цар-

ства персидского! Мари требует, чтобы ты дозволил предстать ей пред твоим советом. Он в великий совет твой и твоих мудрейших людей. Она желает участвовать в твоём совете.

Съ унылою выслушав начальника енухов, Абдул обратился к своим братьям за советом.

— Подь царю пусть явится!—сказал Гуссейн.

— Она может дать хороший совет,—проговорил Али.

— Выступит!—повелел шах.

— Великий шах и повелитель необходимого царства персидского! От сотворения земли существует Персия и до сей поры не было примра, чтобы из мудрый наш совет входила женщина—бездушное создание, и чтобы подавала совет!—сказал Магомед-Али.

— Небыло, небыло примра. Какой совет может подать существо бездушное—говорил Ибрагим.

— Женщина такой же совет может нам подать, какой подает каждое бездушное и бездушное создание: коза, овца, корова, лошадь,—сказал Мустафа.

Мари, съ пог до голою покрывала бланю тильно, въ то время входил въ залу совета и слышал, что говорили каждый из приближенных.

Силью остановилась она пред Абдулом, сидящим на ковре, обложенным подушками, впереди своих братьев; въ миг отернула покрывало, закрывавшее ее лице и съ сильною энергиею начала говорить. Присутствовавшие ахнули сразу, когда Мари отернула покрывало:

— Шах! твой могущественный отец разделял между твоими своими сыновьями три драгоценнейших предмета: престол, меч пророка и дая свьера. Я, дая свьера, по жребию до стаю младшему изъ вас; но не какъ обыкновенная жена, а какъ мудрая дая, о которой пишет и пророк въ Коране; какъ советница и защитница; а ваша востелитица. И ты слабый Абдул, жеманливый, предавшийся роскоши и нбг, и ты Гуссейн, забывший заветы отца, всего того, чтобы бодро стоять съ мечем пророка на страже царства.—утопешъ въ сладострастии твоего гарема. Оба вы нисше дым подобной миф, не находите и въ безумии обезнчили царство, преданное во власть этих—она съ презрѣнием указала рукою на всѣхъ присутствовавших,—ложныхъ мудрецовъ и лжесоветниковъ, жажущихъ только отъ тебя, Абдул, немасужившихъ почестей и злата; пользующихъ твоею и твоихъ братьевъ слабостю и страстями. Ты Абдул и ты Гуссейн, вмѣстѣ съ этими подкупленными клеветами, довели царство отца нашего до гибели и теперь они дая съобранны, въ великой твой советъ. Безчестіе, позоръ, погибла васъ ожидаетъ! Гдѣ то необходимое, гдѣ то могущественное царство Надира? Вы и ваши советники его растали!

Абдул, Гуссейн и Али, потну чело выслушали изъ страхъ и трепетъ рѣчь Мари. Мудрецы и советники казались засухшими мушьями. Безъ мыслитого движенія, вытаращивъ глаза, сидѣли они, непонимая, что съ ними и гдѣ они. Такого событія не было ни въ одномъ царствѣ востока отъ сотворенія міра и основанія царства персидскаго.

— Какой совет, подали тебѣ Абдул, твои первые мурецы и повелители, поняли ли ты этотъ глупый советъ? Нѣтъ? такъ я тебѣ его растолкую: этотъ отжившій стариканка Ибрагимъ, котораго даными давно пора итѣлой вынести изъ твоего двора, съотвалъ тебѣ собрать войско, купить оружіе и дать ему для этого изъ казны царства, золоту. А гдѣ же войско и оружіе твоего отца, гдѣ то золоту, которое рѣкой ялось на устройство войска до сего дня? Этотъ старецъ, Мустафа, только копий събѣ

богатство, крошить надъ золотомъ и предавать тебѣ то, чего быть не можетъ и нѣтъ за того, что міра это стѣсняетъ не враговъ царства, которые силою возмутятъ въ запятый нѣи области все, что имъ нужно, а стѣснятъ твоихъ подданныхъ, изъ которыхъ нѣи высосетъ последнее золоту. Этотъ старый сатанъ—демонъ, Магомедъ, только для виду предъ тобою и народомъ творящій моленія, съотвалъ тебѣ уинить молитвы изъ за того, чтобы ему и всей его кастѣ, золоту потело обильною струей. Оно и такъ всѣмъ мѣлалъ течетъ обильною струей. Нѣтъ не то! я спасу царство мудраго Надира! Я иду во главѣ войска персидскаго, а плѣню хановъ Хивы и Бухары и освобожу персидское царство отъ враговъ. Завтра должно быть собрано все войско персидское, находящееся въ столицѣ; во главѣ его я пойду противъ враговъ царства. Никто нѣтъ въ томъ не воспрепятствуетъ. Я послалъ въ персидское царство повелѣніе великаго пророка Магомета. Кто меня осумаслетъ, тотъ ослѣпаетъ; среди всѣхъ васъ нѣтъ мифъ равнаго. Повелѣи Абдул исполнить мое требованіе, для спасенія твоего, твоихъ братьевъ и всего царства персидскаго, и не слушай аляннхъ твоихъ советниковъ; нѣтъ въ нихъ правды.

— Повелѣваю!—произнесъ полусонный Абдул.

— Повелѣи вѣсь повиноваться мифъ, какъ повиновались твои подданные отцу твоему.

— Повелѣваю мамъ и всѣмъ, безпрекословно исполнить волю Мари,—проговорилъ Абдул.

И такъ, я повелѣицаша твоего воинства. Завтра я поведу войско противъ враговъ персидскаго царства. Вы, мурецы, отнынѣ короны мои рабы.

Послѣ этого Мари быстро вышла изъ залы совета и въ сѣдѣ за нею Абдулъ далъ знать рукою, чтобы всѣ присутствовавшіе разошлись и поддерживаемый своими приближенными, шахъ ушелъ въ свой покой предаться духовному созерцанію блаженствъ великаго пророка.

У.

Изъ столицы Персія, почти въ полночь двинулись ряды войскъ; впередъ всѣхъ ѣхала на драгонинѣмъ бланю, арабское жеребѣ, одѣтая въ военную одежду, Мари. Несметная толпа народа провожала воинство; удивленный немалымъ въ царствѣ событіемъ, народъ, смотря на прелестную военачальницу, дуалъ и говорилъ, что Мари не женщина, но небесное, безсмертное существо, посланное съ неба великимъ пророкомъ, для спасенія царства и поверенія шаху всего свѣта; что если Мари и представляется очамъ смертнымъ, въ видѣ женщины, то это только потому, что они смертныя не могутъ иначе видѣть небеснаго существа, какъ только во плоти человѣческой. Чрезъ нѣсколько дней Мари съ войскомъ достигалъ столицы царства, которая была занята врагами. Войско ея увеличилось несметною массою персидскаго народа, добровольно послѣдовавшаго за нею, какъ за посланницею великаго пророка. Число непріятель было совершенно ничтожно предъ численностію войска Мари.

Мари рѣшилась дая сраженіе, окруживъ Хиванецъ и Бухарецъ со всѣхъ сторонъ. Все уже было готово къ этому, какъ вдругъ одинъ изъ воинскихъ начальниковъ ея войска, Зудейманъ Ага, сопровождаемый своими приближенными, вдуалъ отъ имени хиванскаго и бухарскаго царствъ предложить Мари огромнѣйшее количество золоту, чтобы только Мари безпрепятственно дозволила видѣти изъ войску изъ предѣловъ персидскаго царства.

— Хорошо,—сказала Мари, выслушавъ Зудеймана,—а сколько же ты и твои товарищи и подчиненные влѣя уже золоту отъ Хиванецъ и Бухарецъ, за то, чтобы, что ты осмѣлился нѣи сдѣлать такое предложеніе. Говори

истину и я тебя пощажу, а скажешь ложь, я точно пошью тебя в твоих товарищей.

— Вали... — робко и голосом прошепел Зулейма и пал в ноги Мари.

— Знаю, что валишь ты и твои класеры, но больше ли того, сколько мнѣ предлагаешь?

— Гораздо больше, не ль прижмь больше, — только пощажь нас!

— Это такъ. Вотъ отъ этого и гибнетъ царство... За твою откровенность, дарую тебѣ и твоимъ товарищамъ жизнь. Но не пощажу тебя и ихъ, если завтра, во время сражения, кто либо насъ еще окажется трусомъ. Скажи Хисеку и Бухарскому военачальникамъ, что я все до остатка воюю, что они съ собою вали и валишь здѣсь; воюю и ихъ убью до одного, что на одинъ изъ Хиванцевъ и Бухарцевъ не уйдетъ отъ моихъ рукъ. Золото же, которое предлажили мнѣ Хивинцы и Бухарцы, сейчасъ отъ нихъ потребую и получу отъ правнѣ немедленно шаху Абдулу; дать знать ему, что это золото я посылалъ въ выкупъ за меня; жеребцовъ, за которыхъ Надиръ купалъ меня, стану дорогой цѣны; теперь я плачу за него сыну Надира. Ступай Зулейма и въ подолъ потребуй подобной покорности Хивинцевъ и Бухарцевъ, — непокорять оружія, я начну битву и тогда всѣхъ враговъ истреблю.

Еще до захода солнца Зулейма представила Мари острое посольство отъ Хивинцевъ и Бухарцевъ, поднесшее ей громадное количество золота, разныхъ драгоценностей и оружія и предлажившихъ предъ нею свои повиновения годовымъ. Всѣ воины ипритѣснители отказались безпрекословно въ палатъ и подл. повелѣнію Мари. Всѣ враги, какъ и персѣе, считали ее дочерью и посланницей пророка Магомета.

Принявъ отъ палачиковъ, по восточному обычаю, подарки, Мари обратилась къ хиванскимъ и бухарскимъ посланцъ съ такою рѣчью:

— Персидское царство нѣтъ слабо; — ваша ханства также не сильны. За ваше зловоленіе и неправды, великій пророкъ насъ наказалъ. Отнынѣ вы будете подл. властью Благаго царства, обширнѣшаго и могущественнѣшаго въ мірѣ. Оттуда вы получите порождъ и славей мірѣ; ибогда вы соединитесь съ блымы царствомъ неразрывно; ибогда всѣ востокъ перемонитъ главу предъ Блзымъ царемъ и народъ только тогда узнаетъ счастье земной жизни. Проинатѣ, и я васъ прещу; безпрестанно выходите изъ предлѣвъ персидскаго царства въ свои земли и живите миромъ, а не грабежъ и рабствомъ.

Черезъ нѣсколько дней, враги Персін обезоруженные и лишнные своихъ богатствъ, нестройными толпами бѣжали изъ предлѣвъ Персін. Богатства палачиковъ отправлены въ шаху. Мари же, на своемъ арабскомъ жеребѣ, въ виду шумевшихъ персидскихъ военачальниковъ, ускакала въ подолую для нихъ даль, въ царство Благаго царя, откуда была вата въ палатъ.

И съ той поры, говоритъ восточная легенда, всѣ восточныя царства, мало по малу подпадавъ подл. власть Благаго царя, и будутъ персѣе, когда Мари явится нежданно, въ странѣ велиаго пророка Магомета, на своемъ блымъ жеребѣ и въ одинъ день побѣдитъ Благому царю всѣ востокъ и всѣхъ царей и народы.

Н. С.....

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВЫ ПАРИЖАНОКЪ.

Историческій очеркъ Гави Валескуинъ.

III.

Сужденіе Парижанки о талантахъ и инстинктахъ своихъ соотечественницъ.

— Уже во второй разъ въ теченіи десяти лѣтъ я пишу о парижскихъ женщинахъ.

Это не слишкомъ часто, потому что есть

люди, которые въ этотъ промежутокъ времени успѣли три раза жениться.

Въ первый разъ я анализъ сдѣлать гораздо легче чѣмъ теперь, а между тѣмъ не могу вычеркнуть ничто, что написано было тогда.

Съ тѣхъ поръ, въ женскомъ обществѣ не произошло никакихъ перемены, за исключеніемъ изобрѣтеній новыхъ креплень и пудръ и неодобрительнаго названія моды. Уменьшились ли насажденныя возвышенности на ильскомъ ступеней и ильскому империалу грозило вырѣзаны были за окоя блымы руками.

Во всемъ мірѣ нѣтъ созданія женскаго рода, которое было бы настолько женственно, какъ парижанка. Въ ней сосредоточилось и разналось до крайнихъ предѣловъ все, что природою специально предназначено женщинамъ. Она имѣетъ всѣ добродѣтели и преимуществъ, всѣ слабости, всѣ темныя и непріятныя стороны, всѣ пороки и страсти въ самомъ сильнѣйшемъ развитіи.

Жоржъ Зандъ, Жанисетъ, г-жа Жирарденъ и другія французскія писательницы, много говорили о парижанкѣ. Въ то время можно было еще плагиатировать даже ее, но теперь она играетъ слишкомъ практическую роль въ реальномъ мірѣ. Она ипритѣснитъ и не желаетъ идеализации, потому что идеалъ не умѣютъ приобратъ. Нѣтъ, парижанка хочетъ быть не идеаломъ, а доломъ.

Отъ фантазіи мужикомъ она не требуетъ никакихъ напращиваній, успѣвъ, ибо таковыя могутъ привести показавъ въ ошибочныхъ заключеніяхъ. Парижанка имѣетъ ось преимуществъ и всѣ слабости женщины и въ тѣхъ на другія подлѣтъ въ ихъ прокъ. *Les Parisiennes sont femmes, mais elles sont plus femmes que toutes les autres femmes*, говорятъ г-жа Рейнонъ.

Отцы семейства въ Парижъ жалуются, что не могутъ войти своихъ дочерей въ бѣдныя театры, потому что въ нихъ употребляется такой языкъ, и выводится такая позоженія, которыя заставляютъ краснѣть дѣвчцъ.

Мнѣ также случалось видѣть барышень только что вынужденныхъ изъ монастырей и, слушающа съ какой неприужденностью онѣ толкують обо всѣхъ подобныхъ армянкахъ, о красотѣ статуи по фамили Миле. Марианна, о сложеніи королевы Анни и о преуспѣваніяхъ принцессы Доралиндынь, я помалъ, какія трудности представляла женское воспитаніе и какія слабыя успѣшномъ убѣжденіямъ здѣсь всѣ старшія. Будетъ продолжать словами г-жи Рейнонъ.

«Всѣ ошибки, всѣ хорошія качества женскаго пола, достигаютъ въ парижанкѣ свойственнаго ей организационнаго пароксизма. Безъ помощи истрѣтятся и въ другозъ всѣхъ женщинъ, которыя безумнымъ образомъ расстрачиваютъ состояніе своей семьи, но парижанка достигаетъ въ этомъ безуміи той степени, которую она по прямой линіи наслѣдовала отъ Клеопатры и передъ которой, подл. другой притомъ, отшатнулись бы самыя поврежденные субъекты. Конечно и другія женщины бываютъ парижанки, но ни одна не выказаетъ въ своихъ капризахъ такой необузданности, которая какъ бы стремится доказать, что ей чудныя самыя простѣйшія домы разума. Конечно и нѣтъ парижка выказываетъ женскія аморальны, но нигдѣ не достигаетъ онѣ такихъ пропорцій, какъ въ духъ парижанки; по нашему мнѣнію, эта степень аморальности заслуживала бы даже особаго названія. И дѣйствительно, парижанка нѣтъ-то считаетъ себя выше всего, но даже объявляетъ себя божествомъ. Единственный культъ, котораго парижанка дѣйствительно прилагалась въ глубинѣ своей души, есть культъ, въ которомъ она сама изобразя роль и идолъ и жреца вмѣстѣ».

«Въ анализѣ этого заблужденія находится и объясненіе того господства, которымъ пари-

жанка пользуется въ области моды. Идоолоклонство въ отношеніи самой себя не имѣетъ единственнаго причинной сухости сердца, начало это имѣетъ также отъ ильторой умственной ограниченности, потому что, нужно признаться, что самой развитой парижанкѣ всегда будетъ недостатокъ одной палачивой черты, именно той, которая для своего проявленія требуетъ атмосферы великодушія. Не будучи способна признаться чѣмъ бы то ни было превосходства, парижанка вѣрится только во себя, съ убѣжденіемъ, съ жаромъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія и колебанія».

«Парижанка вѣчно любитъ собою по всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и безъ размѣшенія принимаетъ всѣ преступленія простодоступна стеними, въ которыхъ состоитъ французскій языкъ. Это ипритѣснитъ охотно долаютъ всѣ парижане вообще, потому что, кромѣ парижанки, нѣтъ на свѣтѣ индивидуума, котораго бы онѣ не осмѣляли за дерзостное напращиваніе съ ними соперничать. Но не составило ли первого и важнѣйшаго элемента успѣха именно эта непоколебимая самоуверенность. Запѣшайся тутъ большаго дола разумности, пришлось бы отличить истинное отъ ложнаго, пропую отъ лести и тогда прошая господство, которое держится только на безграничной вѣрѣ въ самого себя».

«Съ этой самоуверенностью, съ этимъ сознаниемъ своихъ талантовъ, когда таковыя имѣются, своей граціи, своего ума, ось такого даже и нѣтъ въ наличности—съ всѣмъ этимъ, парижанка никогда ни бываетъ абсолютно глупа, абсолютно дура и, вслѣдствіе этого, никогда не затѣивается иностранной красавицей, если нѣсколько скромна».

«Что касается ума парижанки, то нужно сознаться, что прожеденная сѣтливость покрываетъ пробѣлы или покраиваетъ нѣтъ испуску ихъ маскырѣ. Парижанка знаетъ не то, чему нужно учиться, а то, что можно угадать. Она читаетъ мало, потому что современные романы перенасынены такъ называемыми размѣшеніями, но она умѣетъ схватить на лету всѣ поверности и пестрыя сѣдѣнія, которыя можно почерпнуть на прогулкѣ или въ мажисторированныхъ журналахъ. Если же грозить иногда опасность быть уличенной въ неувѣдѣсть, то парижанка съумѣетъ быстро вспомнить разговоръ или съ неграмотной простецкой признаться въ своемъ невѣдѣньи. Впритомъ ей хорошо вѣдѣно, что недостатокъ образованія всего охотнѣе извиняется мужикомъ, до тѣхъ поръ пока женщина молода».

«Культъ своей собственной личности разумѣется предполагаетъ сильную дозу тщеславія. Потребность нравиться или по крайней мѣрѣ обращаться на себя вниманіе, есть иль и исходная точка всѣхъ дѣйствій и помысловъ парижанки. Данъ достиженіи этой цѣли, нѣтъ такой жертвы, которую парижанка не наложала бы на себя, а въ особенности на чужую шею. Она очень скоро приходитъ къ убѣжденію, что всякая сумма, расстрачиваемая на то, чтобы нѣбдуръ другое, кромѣ удовольствія съ тщеславіемъ, есть капилать употребленій неправильно».

«Это-то и есть причина, по которой столь многія парижскія семейства имѣютъ много лишняго, не имѣя при этомъ необходимаго. Пралагается геній Паригарона данъ сокращенія неизбѣжнѣйшій расходъ, лишаютъ обѣда себя и прасуду, да того, чтобы прѣбывать лишній кружевной волакъ въ лѣтнемъ палатю».

«Всякая красивая женщина только пользуется данной ей красотой, а парижанка хочетъ быть красивой и выказываетъ, при достиженіи этой цѣли, геніальность, основанную на врожденной или прибрѣтенной наблюдательности. Парижанка своимъ ильнѣшностью доказываетъ несомнѣнное преносство искусства надъ природою и всета останется достойной того владычества, которымъ славится въ области вкуса».

IV.

Что рассказываютъ въ Парижѣ о женщинахъ—Скандаль маленькой прессы и подслушивание у дверей.—«Посла».—Что стоитъ жена въ Парижѣ.— Драма.

Французскіе писатели наполнили уже цѣлую библіотеку сочиненіями о парижанкахъ и напоминаютъ еще десяти библіотекъ этихъ неисчерпаемымъ матеріаломъ.

Цѣлая вселенная исторія не такъ обильна матеріаломъ, какъ исторія однихъ парижскихъ женщинъ. Семья, будувъ, театральная гардеробная, салоны, будувъ ежедневной арене болѣе или менѣе важныхъ событій. Цѣлая компанія парижскихъ литераторовъ ежедневно занята представленіемъ садовъ большого или малого скандала; они стоятъ у каждой замочной скважины, наблюдаютъ за каждымъ занавѣсомъ, шепчутся съ каждымъ привратникомъ, съ каждой горничной, съ каждымъ лакеемъ хорошеющей женщины и знаютъ по этому скандалу касающіеся разныхъ судовъ, гораздо райѣ чѣмъ они становятся извѣстны административнымъ властямъ.

Въ Парижѣ есть множество журналистовъ, составляющихъ такъ называемую маленькую прессу, которой извѣстны секреты каждой красавицы, приобретаемые по три су за строчку, не дорожа вслѣдствіе самыхъ обыкновенныхъ секретовъ. Эти хроникеры несравненно счастливѣе поэтовъ и романистовъ, повторяющихъ сюжеты изъ собственной фантазіи. Въ распоряженіе этихъ трехкопѣечныхъ журналистовъ представляется ежедневно цѣлая галерея пикантныхъ и драматическихъ эпизодовъ; несмѣстливѣе просто нѣтъ счета, потому что каждый буваръ пишетъ свой романъ и только немногіе угадаютъ извѣстныя подробности. Впрочемъ, охотѣе быстро свѣдѣются и въ семейныя дѣла, любовныя поведенія и интриги, о которыхъ во вслѣдствіе другъ друга толковали—бы покрайней мѣрѣ цѣлую недѣлю, здѣсь едва обращаютъ на себя вниманіе, какъ вещи случившіяся ежедневно и освѣщенныя общими.

Невѣрность, объявъ между супругами или любовниками, здѣсь самая ходкая матерія дѣла, которое само собою разумеется. Нужны уже особенныя обстоятельства, для того, чтобы этихъ заинтересованныхъ друзей.

Если вы расскажете какъ новость, что г-жа Х., у которой такой прекрасный мужъ, находится въ неподозрѣнной связи съ г-номъ У., имѣющимъ прелестнѣйшую супругу, нѣкто не найдетъ въ этомъ ничего особеннаго. Но попробуйте рассказать, что г-жа Х. устояла противъ всякихъ соблазновъ любовнаго кавалера, это обстоятельство покажется чрезвычайно замѣчательнымъ и фактъ потребуетъ неопровержимаго подтвержденія, прежде чѣмъ ему согласится повѣрить.

Въ парижскомъ обществѣ бракомъ сочетаются не для того, чтобы быть вѣрными другъ другу, а просто заключаютъ въ присутствіи мера контрактъ, какъ при всякой другой сдѣлкѣ; само дѣло передъ алтаремъ произносится такъ, какъ объявляя явиться на какое нибудь *grand-voies* и нѣрѣдко, во время совершенія торжественной церемоніи, въ глубинѣ церкви стоитъ какая нибудь болѣе или менѣе молодая женщина, съ которой непонятно, за сколько дней передъ свадьбой, *разсказала* при помощи нѣсколькихъ тысячъ франковъ.

Она далеко не него не сердита, потому что находитъ совершенно естественнымъ это желаніе пристыдиться, да и онъ съ своей стороны считаетъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, если она *послы* или даже *прежде* ихъ разлуки станетъ искать удобнаго случая заключить новый временной контрактъ. Такимъ образомъ, они даже остаются друзьями.

Да и въ чѣмъ предразсудки! Въ Парижѣ все имѣетъ видъ сдѣлки. Сердце есть ничто иное, какъ мускулъ; симпатія—это сорная трава, ко-

торой не нужно давать роста. Вертеръ въ Парижѣ комическая фигура, которую нигдѣ не признаютъ, даже на этажерѣ съ китайскими и японскими фарфоровыми болванками. Сердцу даже иногда маленькій случай обидѣться; ему дозволяется шаркать и то по извѣстной системѣ, небольшое чувствительное, для котораго всегда можетъ представиться случай; только ужь конечно безъ малѣйшей сентиментальности и отнюдь не падоко.

Любовь, на сколько ее здѣсь помнятъ, есть нѣкоторого рода кокетство сердца; сердцу представляется какой нибудь *предметъ*, какъ тѣмъ новое платье, шаль или дорогая бездѣлушка.

Какъ-же Леонъ Гозланъ скажетъ:

«Съ тѣхъ поръ какъ женщины сдѣлались предметомъ роскоши, слѣдуетъ сперва провѣрить свою кассу, а потомъ уже дозволять себѣ эту надерзку».

Эта фраза не относится собственно къ супружеству. Въ Парижѣ женятся не для того, чтобы имѣть хорошему жѣну, доставить удовольствіе сердцу и тѣшеславю, а для того, чтобы угадывать свое особенное положеніе. Мужчины дозволяютъ себѣ роскошь имѣть жену безъ церковнаго благословенія и гражданскаго контракта.

Но большая часть изъ нихъ, доставляя себѣ законную или незаконную роскошь, забываютъ мудрое назрѣніе Гозлана. Они берутъ женщину, такъ сказать въ кредитъ, а она, по своему легкомыслию, мало заботится о денежныхъ дѣлахъ своего мужа; она знаетъ только его щедрость относительно платьевъ, брилліантовъ, экипажей и театральнаго ложъ. Ей и дѣла нѣтъ до того, достанетъ ли его средствъ на выполненіе всѣхъ ея прхотѣй, да и самъ онъ настолько суетенъ, чтобы не считать то что обходится ее кассы.

Познорованъ въ свѣтъ требуется, чтобы онъ казался богатымъ и въ состояніи поддерживать ее роскошью. Его состояніе переходитъ въ магазинъ и театральныя кассы и въ порядкомъ молодого человѣка дѣлается скорѣе скверный должникъ.

Дѣло идетъ такимъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока хватаетъ средствъ. Взаимное сожителство, умъ другіи далеко не такъ сильны, чтобы пережить расстрѣту породнаго, иногда даже значительнаго состоянія. Друга умирать отъ недостатка средствъ, а герою нашему остается отравиться въ кинши, записавъ въ Африканскій поэтъ или просто предаться гаубонимъ и обстоятельнымъ размышленіямъ о тишѣ всѣхъ земныхъ радостей.

Она тоже мало заботится о своей дальнѣйшей судьбѣ, потому что совершенно поглощена заботомъ о разореніи своего новаго совѣтника и этого вѣдѣтъ уже нѣсколько въ долги, но можетъ быть заставить даже потерять и доброе имя.

И въ самомъ дѣлѣ, для чего ей дорожить именемъ, котораго она никогда не будетъ носить.

Вѣдь сказала же одна доретка своему возлюбленному, который съ растеряннымъ видомъ сидѣлъ передъ нею:

«Эммонъ, на твоихъ мѣстѣ и въ минуты не жалѣла-бы о потерѣ своего состоянія, при мысли, что ты былъ любовникъ такъ, какъ я тебя любила!»

И то чѣмъ значить сотни тысячъ для женщины, которая убѣждена, что деньги существуютъ единственно для той цѣли, чтобы ихъ выбрасывали не жалѣя за окошко!

А въ этомъ убѣжденіи пребываютъ, за рѣдкими исключеніями, *остъ* парижскія женщины. Касса законнаго супруга для нихъ также мало священна, какъ и касса сердечнаго друга. Въ виду моднаго магазина, индѣйскаго камешка и гадатерной витрины, нѣтъ ничего священнаго и разореніе есть только вопросъ вре-

Въ Парижѣ есть безъ сомнѣнія цѣлыя клавироды чувствъ, но нѣкоторые клавироды даже очень рѣдко и приводятъ ихъ въ движеніе только желаніемъ.

Вотъ притворъ самой парижанки надъ своимъ соотечественникомъ. Онъ чрезвычайно правдивъ и мѣткъ, такъ что нѣтъ остается прибавить только нѣкоторыхъ частности.

Эгоизмъ есть основная черта парижанки; эгоизмъ побуждаетъ ее, безъ малѣйшей нескотливости прежде или послѣ, разсорить состояніе какаго нибудь Набоба, только для того, чтобы быть красивой, имѣть возможность бластать и удовлетворять своему тщеславію. Но въ чести ей нужно прибавить, что она плохо умѣетъ лицемерить. Она будетъ трепать по шѣкѣ счастливаго неспасибнаго, которому обьявила своимъ издѣствомъ, будетъ называть его «mon petit chat» и другими ласкательными именами, но при этомъ, глаза ей будутъ чаще устремлены на зеркало, чѣмъ на его особу и нужно быть ужь очень глупымъ, чтобы не понять ради чего расточаются ее ласки.

Выманивая сотни тысячъ въ багаторазную минуту, парижанка конечно не думаетъ о будущности обреченнаго ею човѣка, но не думаетъ также и о *своей собственноти*! Ей мерещатся въ это время толпы модистки, магазинъ, всѣ прекрасныя вещи, которая еще нужно купить, Буазонскій дѣсь, сѣлки и всѣ мѣста, въ которыхъ она явится прекраснѣе изъ прекрасныхъ.

Этимъ и исчерпываются ее размышленія. Она знаетъ только себя, только тѣ алтари, на которыхъ ей приносится жертвы, а каковъ ей дѣло до тѣхъ жертвенныхъ агнцевъ, которые закалываются ради ее тщеславія.

Справившись объ этихъ жертвахъ въ Кавши или другіяхъ договорныхъ торжкахъ, справившись о нихъ у кустиарника Буазонскаго дѣла, гдѣ нѣрѣдко нѣца находятъ кошель легкомысленно опубликованъ; справившись о нихъ въ африканскихъ показавъ, въ которые спасаются жѣны сынаго знатныхъ семействъ, чтобы позавѣть подъ нападкомъ содѣмъ стѣнъ, какими ослами они были въ Парижѣ.

Если англичанка, ильма или американка глупа, то для нее нѣтъ уже никакого исхода, никакой маски, никакого притворства; если же глупа парижанка, то она глупа необыкновеннымъ образомъ. Г-жа Живардѣ права, говоря, что не существуетъ абсолютно глупой Парижанки.

Очень рѣдко парижанка чѣмъ нибудь учится. Даже въ писаніи, въ монастырѣ, она, еще не бѣловатъ, уже занята разработкой всѣхъ опаснахъ инстинктовъ; всѣ ея умышленныя способности сосредоточиваются на ямши, что она красива или должна быть красивой, на упражненія въ искусствѣ одѣваться, причѣмъ тотчасъ же обнаруживаются ея врожденныя таланты. Эгоизмъ выработывается въ маленькомъ сердечкѣ на счетъ всѣхъ остальныхъ душевныхъ качествъ; извѣстна оная немощь, неслучая на всѣхъ учителяхъ и на всѣхъ трудныхъ учебныхъ предметахъ, въ памяти ей сохраняется непамядно только географическое названіе Индіи, по причинъ выносившихъ оттуда шалей.

Но за то, при первомъ шагѣ изъ монастыря или пансіона въ міръ, ей не встрѣтается ничего поразительнаго, чуднаго, необычнаго. Врожденная способность нравиться и тщеславіе далеко переросли всѣ ея остальные нравственныя свойства, даже заглушая ихъ своимъ непокрытымъ развитіемъ; въ ея этихъ поръ всякое движеніе впередъ останавливается, потому что мода и роскошь совершенно овладѣваютъ женщиной.

Совершенно развитому вступаютъ она въ общество и нѣрѣдко встрѣчаютъ въ немъ современничество въ лицѣ своей родной матери.

мени. Какже не добросовестно позав этого со стороны мужчин брать на себя ответственность за будущее детей, когда их мать собственноручно разнствует их состояние по модным лакам?

Мы читали въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ:

«Въ наше время не женятся вовсе; это неоспоримый фактъ. Никто не считаетъ себя достаточно богатымъ, чтобы вступить законную жену.»

Только старые классы, страдающие изъ за куса хлѣба, являются еще къ мѣру для заключения брачныхъ контрактовъ. Но и эти браки заключаются только ради хозяйства, страсти, починки рубашекъ. Въ этихъ кругахъ женятся потому, что неимѣетъ средствъ платить работницъ. Стадо бытъ, это вопросъ экономии.

Но что же станется съ любовниками при такомъ недостаткѣ замужнихъ женщинъ?

Эти любовники составляютъ особую категорию, корпорацию людей, которые желаютъ ухаживать за женщинами дешевле, образно. За это удовольствие, законный супругъ разумеется не платился бы съчастіемъ всей своей жизни, если бы не смотрѣлъ на дѣло совершенно хладнокровно и не ухаживалъ съ своей стороны за собой женой или, если дозволитъ средства, за женщиной, состоящей съ нимъ во временномъ контрактѣ.

Они вѣдь также женятся не для того, чтобы сохранить невзыскую вѣрность. И вотъ между супругами безвозможно устанавливается полюбовная сдѣлка.

Тотъ же журналъ продолжаетъ:

«И дѣйствительно, нынѣ законная жена стоитъ безумныхъ надеждъ. Кто въ состояніи заплатить за все то количество тканей и металловъ, которое ей необходимо? Въ Булонскомъ лѣсу беспрестанно встрѣчаются костюмы дѣв. голыя ноги и голубые волосы!»

«По почамъ, беспрестанно находятъ новорожденныхъ дѣтей у заборовъ или на порогѣ фоновъ. Счастіе еще, если эти дѣти живы.»

«Никогда еще женщины не безуспешно такъ относительно чистоты парадъ, какъ въ настоящее время, когда они почти вовсе не одеваются. Теперь это живые транспаранты.»

«Они танцуютъ не хотѣя никакой музыки, крокъ танцевальной, никакой позы, крокъ стиховой на конфетныхъ блестящихъ, никакой живописи крокъ той, посредствомъ которой они украшаютъ и могодотъ свои лица.»

«По этикъ-то и еще тысячами другихъ причинъ, мужчины потеряли всякую охоту жениться. Послѣдняя изъ вступившихъ въ бракъ женщинъ (не нужно принимать этой фразы буквально) получила недавно жестокой уррокъ.»

Скажу еще:

«Г-жа Х. вышла замужъ девятнадцати лѣтъ, а теперь ей двадцать три года.»

Патентованный соблазнитель г-нъ У рѣшилъ одержать побѣду надъ этихъ *покусливыхъ существахъ*. Покусливыми существами называются въ женщинахъ неизмѣнныя любовницы.

Г-жа Х. долго боролась; боролась даже серьезно. Наконецъ свѣтъ ей не сталъ; ее утѣшила, подтѣшила.

«Хорошо, и вѣдь вѣрно,» сказала она, лхородно сжимая руку своему соблазнителю; «но у меня никогда не хотѣлось подлости обманывать мужа. Убѣдите отсюда! Еще сегодня въ ночь мы можемъ посѣтить въ Гаврѣ. Пѣдемте въ Америку... Тамъ, подъ чужими небомъ, подъ дружнѣмъ солнцемъ, я буду въ состояніи любить васъ безъ мучений совѣсти!»

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

о сихъ поръ, петербургскій Сентябрь даже еще не смотрѣлъ сентябрь, и давалъ полную возможность дамамъ пощеголять осенними обоянками. И вотъ, часу

во вторыхъ, въ ясный солнечный день, по Николаевскому мосту идетъ и идетъ множество бархатныхъ и плюшевыхъ манто и сюртукъ; податъ нихъ возмущаются плащиды съ подбитыми верху волнами и все этикѣ направляется къ Академіи художествъ на годичную выставку.

На этой выставкѣ все ново, начиная съ перестроенной заново чудесной входной дѣлщины. Занъ также отдѣланы и убранны оныя художественно, такъ что только пройти по нимъ уже доставляетъ эстетическое наслажденіе. Но, слабости и глупости человѣческой натуры, наблюдая самую новизну притягиваетъ всего болѣе. Публика мало обращаетъ вниманія на античные сѣлки и старыя картины, а стремится къ предметамъ, на которыхъ выставлены померомъ новаго указателя. Прежде всего попадаешь въ отдѣленіе скульптуры и получаешь возможность увидѣть, какъ плагуватый Амуръ напечатываетъ о любви невинности. Въ этой группѣ, намъ прежде всего помереасало подражаніе чему-то очень нѣмистному и хорошему, но подраженіе безъ блестящаго результата. Далѣе, Ангелъ Надежды возмущаетъ нѣкоторымъ недоумѣемъ своимъ ужасно печальнымъ выраженіемъ лица, точно знающаго, что на него будутъ глядѣть за несбытающимися надеждами. Наконецъ, прелестная группа изъ мальчика и дѣвочки, разсматривающихъ птичку. Обѣ фигуры чрезвычайно граціозны и живы, въ особенности дѣвочка, которая заложивъ руки за спину, чтобы не имѣть несудьбы дотрогнуться до птички, но за то такъ, и является въ нее глазами. И видно, что рѣзнушка должна быть эта дѣвочка!

Очень хороша и сдѣланная грустная женщина съ ребенкомъ изъ волнѣхъ, работы Каменскаго. Въ картинной залѣ множество портретовъ, преимущественно мужскихъ и даже какъ-то въ особенности много портретовъ докторовъ. Говорятъ, по случаю сухости нынѣшняго лѣта, было мало больныхъ и докторъ вѣроятно рѣшился воспользоваться этимъ свободнымъ промежуткомъ для портретныхъ сеансовъ. Многие портреты замѣчательно хороши, но не ихъ ищешь глазъ на выставкѣ.

Ученннческія программы только три; двѣ изъ нихъ изображаютъ Дюгана, отбрасывающаго себя становя, какъ неужную роскошь, въ ту минуту, какъ онъ видитъ мальчика чернагого воу горстью, а третья представляетъ возвращеніе бѣднана сына. Сюжеты на этотъ разъ слава богу отвлеченны и потому выполнены несравненно удачнѣе, чѣмъ это бывало въ болѣе частыхъ случаяхъ, въ особенности ака Дюгана. Бѣднанный сынъ вышелъ неудачно по композиціи, можетъ быть въ наказаніе за свое дурное поведеніе. Изъ историческихъ картинъ, есть еще очень плохая «Сусанна» и такой-же плохой «Никодимъ», хотъ на него и потрачено очень эффектное освѣщеніе.

Самая болѣзненная изъ жанровыхъ картинъ есть въ тоже время и самая неудачная, хотъ и принадлежатъ кисти Якоби. Колоритъ картины какой-то заселенный, а дѣйствующія лица убоются какъ театральные мѣстофелы. При взглядѣ на герцога Голоу, которому прислалъ показатъ отрубленную голову врага его Коллинъ, несомненно вспоминается «Кромвель» въ такомъ же положеніи въ картинѣ Ар Шесера и сравненіе выходитъ очень невыгодное.

Въ особенности симпатичныя и художественныя жанровыя два: Утоленннхъ въ деревнѣ, Дмитріева и Спена въ комнатѣ больного, Лемоха. Какъ въ той, такъ и въ другой картинѣ, драматическое впечатлѣніе произведено самымъ правильнымъ путемъ, безъ всякихъ черезъ чуръ реальныхъ эффектовъ. Самаго утоленннхъ видно очень мало; въ толы выставляются только его ноги, но положеніе и выраженіе лицъ всѣхъ окружающихъ совершенно ясно даютъ понять зрителю что именно произошло.

Точно также и въ картинѣ Лемоха: самъ больной лежитъ за ширмами, а на полу двѣ голыя женщины старуха и молодая, очевидно мать и жена больного. Молодая женщина горько плачетъ, а горе старухи болѣе посредственно. Маленькая дѣвочка смотритъ на плачущихъ и сама готова заплакать. Въ этой же картинѣ, намъ почти въ первый разъ случается увидѣть совершенно вѣрно и отлично нарисованную кошку.

Не смотря на то, что эти животныя безпрестанно встрѣчаются на картинахъ и въ книжкахъ, очень бѣднаго художства почти недостаетъ. Въ особенности уморительны и прекрасны выходятъ въ этихъ случаяхъ *граціозно* играющіе котата.

Какъ очень рѣзкій контрастъ двумъ только что упомянутымъ нами картинамъ, можно привести женщину въ лилово стыхъ драпировкахъ, бросающуюся съ какой-то башни въ воду. Въ указателѣ эта картина названа: «Утопающающаяся».

Въ самомъ концѣ залы есть маленькая, но очень вычурная картинка, подъ заглавіемъ «Современные идеалисты». Представлена очень гранная комната съ разбитыми бутылками и разными хламомъ на полу. За столомъ сидятъ три фигуры. Одна одѣта на манеръ Париса въ комической опереткѣ «Орфей въ Аду» и подперши руками внимательно слушаетъ. Другая фигура въ русскомъ нарядѣ, съ пыльнымъ лицомъ и выкатившимися глазами, читаетъ и размахисто жестикулируетъ. Сзади оратора стоитъ дѣвочка въ очкахъ, съ остриженными волосами и парикомъ въ зубахъ. Судя по дѣйствію и по заглавію картинки, изображеніе предполагаетъ нигилистовъ, но объясненіе перешло въ широкъ и трудно угадать мысль автора.

Прекрасныхъ пейзажей множество. Г-нъ Доккеръ ухитрился примирить зрителя даже съ такими несомнѣнно зрѣлищныи, какъ гнило-темный лѣсъ съ беспрестанно падающими на землю дождемъ. Въ это пейзажахъ даже и не особенно приятно. Но вотъ является Риндони съ итальянскими сценами, облитыми горячимъ итальянскимъ солнцемъ; возникаетъ новое, болѣе ясное впечатлѣніе, но за то первое было какъ-то знакомѣе и ближе сердцу. Г-нъ Риндони выставилъ много картинъ и всѣ оны заслуживаютъ сильной похвалы. Вообще пейзажисты работали много; некоторые изъ нихъ выставили свои произведенія болѣе чѣмъ дюжины. Такъ г-жа Сухова-Кобылина выставила 74 произведенія.

Чтобы не выходить изъ области искусства, скажемъ нѣсколько словъ о бенифейс г. Стуколкина, въ который на перерывѣ хлѣбнота достать билеты, какъ записные бѣломосты, такъ и лица посмѣивающае были только раза два въ году. Дѣло въ томъ, что во-первыхъ г-нъ Стуколкинъ пользуется общими расположеніемъ, а во-вторыхъ, въ бенифейс оу установленъ всѣ сѣдла первой величины, какъ подионы на деждахъ, такъ и блестящею оправданія оны. Танцовала г-жа Гюриетта Доръ въ Корсарѣ, г-жа Петала въ дочеряхъ Фарола, г-жа Валезъ въ Золотой Рыбкѣ, г-жа Кеммереръ 1-я въ Бретонскій танецъ, г-жа Вергина какое-то граціозное на и г-жа Жанна Полька-Кеммереръ. Самъ бенифейстѣ просто чужъ не до смерти засмѣивалъ въ комической сценѣ своихъ зрителей. Было впрочемъ и драматическое осмущеніе, такъ сказать *ко новоду наводннхъ злодѣв*. Г-жа Доръ упала во время оныхъ изъ своихъ вошебныхъ движеній, но не причинила себѣ никакого вреда, а только сильнѣе вызвала восторгъ и симпатію своихъ поклонниковъ. Изъ кажется особенно приятно было убѣдиться, что г-жа Доръ не фѣя, а обыкновенная смертная и следовательно не улетитъ со сцены, въ какомъ-бы извѣстѣ она не закружилась.

Умалъ также безъ великихъ послѣдствій и одинъ изъ танцовщицъ въ дивертисементѣ.

На бенефис г-на Стуколкина присутствовал Государь Императоръ въ первый разъ по возвращении въ Петербургъ. По этому случаю, театръ былъ иллюминированъ. Въ этотъ же день былъ на Марсовомъ полѣ Высочайшій смотръ, послѣ котораго, толпы народа долго провожали Государя криками «ура» и другими восклицаниями. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

На французской сценѣ дебютировала г-жа Обри, въ старомъ надевалъ «Les amours de Cleopâtre». Нисколько эта очень весела сама по себѣ и дебютантка исполняла роль Клеопатры чрезвычайно живо и удачно. Въ первомъ актѣ публики приняла новую актрису холодно и причиной этого вѣроятно наружность г-жи Обри, которая съ первого раза не нравилась, но впоследствии, выразительность фантомы и прекрасные глаза заставляли забыть первое невыгодное впечатлѣніе.

Настоящій сезонъ Михайловскаго театра еще впрочемъ не начинался. Главныя приманки выступили на сцену не раньше октября и тогда же безъ-этажа съ безурочной начиткой засыпали глаза прелестью парадовъ, причесокъ, лицъ, бистовъ, рубъ и бесцѣнныхъ приманокъ. Сюда также принадлежатъ и итальянскіе соловьи, а съ ними и дивная Патти, о которой въ обществѣ ходятъ уже такъ много толковъ. Рассказываютъ, что Патти уже съ семилѣтняго возраста начала пѣть въ концертѣхъ и имѣла громаднѣйшій успѣхъ. Правильно учиться она никогда не хотѣла, а запоминала по слуху тѣ арии, которыя играли и пѣлъ мужъ ея сестры. Даже и теперь, приманка не обращаетъ никакого вниманія ни на восторженныя похвалы, ни на критическія замѣчанія, печатаемыя о ней въ газетахъ. Говорятъ, будто у ней въ домѣ строгаго запрещено попадать на глаза какой-бы то ни было газетѣ. Не знаемъ, читатель-ли она хоть похвалы адресуемая ей въ стихахъ; если пѣть, — то тѣмъ упрямѣе будутъ создаваться толпы, надѣясь побѣдить упрямство дѣвы силой поэзии. Судя по портретамъ, г-жа Патти очень красива, а о томъ какъ она играетъ, будемъ судить когда увидимъ ее на сценѣ. Пѣть хорошо Патти должна уже и потому, что въ ней соединяются такъ сказать два голоса. Мать ея, тоже очень хорошая пѣвица, дѣлилась голоса точнѣе по рожденію Адеины. Малютка можетъ быть присвоила его себѣ и потому пѣть и пѣла всегда съ изумительной легкостью. Говорятъ, что устами для Патти не существуетъ.

Петербургскіе жители смѣло могутъ сказать, что они уже *предвкушали* наслаждение слышать Патти. Передъ 17 сентября, одинъ кандидатъ объявлялъ, что у него приготовлены ламинные пороги Патти, Лукки, Гериетты Доръ и проч. Въ газетахъ случается читать общія «замѣчательная премія» за книгу на одинъ изъ абонентовъ итальянской оперы и изъ этого слѣдуетъ, что несчастныя смертныя, не имѣющія возможности абонироваться, будутъ очень трудно добиваться билета хотя на одно представление. Что-жъ остается дѣлать такимъ несчастливцамъ? — Купать для утѣшенія хоть пороги, посвященные приманкамъ и усердно читать газетные фелетоны.

На русской сценѣ въ бенефисъ Машвѣна шла пьеса московскаго автора Самарина «Пережестъ съ мука бузъ». Содержаніе пьесы слѣдующее: У одного ученаго, бывшаго прежде крѣпостнымъ, сынъ кончилъ курсъ кандидата университета и оказался серьезнымъ человѣкомъ. Есть надежда, что онъ будетъ современнымъ профессоромъ. Пока, этотъ сынъ живетъ домашнимъ учителемъ у одного графа, роднаго брата бывшаго пошляка своего отца. У графа есть дочь. Молодые люди сходятся и нравятся другъ другу. Камердинеръ графа поощряетъ ихъ разговоръ въ саду и передаетъ своему барину.

Графъ рѣшается кончить дѣло безъ скандала, объявляетъ учителю, что раздумавъ готовить сына въ университетъ и отпускаетъ его. Молодая графиня тоскуетъ, впадаетъ въ ханду и умираетъ. Передъ смертью, она еще разъ видится съ учителемъ и завѣщаетъ ему не падать духомъ, а продолжать работать и приносить пользу обществу. Г-нъ Самойловъ былъ чрезвычайно хорошъ въ роли графа.

СМѢСЬ.

При жизни и послѣ смерти. Известно, что въ свои молодые годы, знаменитый Ньютонъ часто терпѣлъ сильную нужду и бывала вынужденъ какъ говорится *калѣть зубы на полу*. Два столѣтія спустя, лордъ Шревербургъ заплатилъ за *одну* зубъ этого великаго человѣка 16,595 франковъ.

О преемникѣ князя сербскаго Михаила, молодомъ Михаилѣ Обреновичѣ, ходитъ пѣсочный расказъ. Въ одинъ изъ нихъ, сообщенный газетой «Прессъ»: У Милана Обреновича былъ въ Парижѣ школьный товарищъ по имени Феликсъ Серватъ. Этотъ Феликсъ недавно получилъ изъ Бѣлграда слѣдующее письмо: «Милый Феликсъ! Теперь я владѣтельный князь, но это вовсе не причина забыть тебѣ. Посылаю тебѣ, въ доказательство моей пакости, венгерскую лошадь. За пересылку заплачено. Михаилъ III.»

Однажды постигъ Миланъ свою бабушку и, поздравившись съ нею, попросилъ поскорѣй накрывать его. На вопросъ почему онъ не покушался дома, князь отвѣчалъ: «Знаешь, бабушка, когда я чего нибудь попрошу во дворцѣ, у меня саги принимаютъ цѣловать руку, а это мнѣ очень надобается».

Въ Парижѣ изобрѣтена г-жею Рамель эмаль для уничтоженія морщинъ и приданія лицу свежести и молодости. Бѣда только въ томъ, что дама, разъ позволившая эмальровать свое лицо, никогда уже не можетъ потомъ измѣнить его выраженіе. Такъ, нарисовавши себѣ улыбку осужденъ удерживать пріятныя смѣхъ, а показывая разъ поковечивать грустью, никогда больше не утѣшится, по крайней мѣрѣ никогда.

Портной и пѣвецъ. 43 года назадъ, въ честь хористовъ одного итальянскаго театра въ Бергамо, находивша очень скромный income, котораго любилъ всѣ товарищи и который, для поддержанія существованія своей матери, занимался еще и портяжничьимъ искусствомъ. Однажды знаменитый пѣвецъ Ноцери пришелъ въ холлону, у котораго работалъ нашъ хористъ. Лицо подмастерья показалось ему знакомымъ и онъ съ нимъ разговорался. Хористъ у тебя голосъ? — Възми себѣ; а съ трудомъ могу взять г. — Возьми его сейчасъ при мнѣ. — Не могу; не выйдетъ. — Возьми тебѣ говорить, не то я... Бѣдный подмастерья струсилъ и вылезъ трубекомъ нуту. Подозрѣвая тебѣ, сынъ мой, сказалъ пѣвцу, со временемъ ты будешь первымъ теноромъ въ Италіи; только работай и не падай духомъ. — И действительно, изъ бѣднаго хориста вышелъ впоследствии знаменитый *Рубини*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Зачѣмъ тревожить сомнѣнья
Тамъ, гдѣ любви преданъ нѣтъ!
Тамъ, гдѣ одно лишь утѣшеніе—
Твоя улюбка, твой привѣтъ!

Тамъ, гдѣ любви ничто не въ силахъ
Я умирить, ни замѣнить
Покуда кровь струится въ жилахъ.....
Зачѣмъ сомнѣніемъ точить!

Оно грезитъ мнѣ мнѣ, терзаетъ
Сильнѣе всѣхъ ужасныхъ мукъ
И безконечно оскорбляетъ.....
Мой дорогой, рениный другъ!

ОТВѢТЪ К. Д.

Не утѣрай, не надѣйся,
Не унесешь ничьимъ!
Надъ неудачъ также смѣйся,
Какъ я смѣюсь надъ всѣмъ!

Любовь—болѣзнь и отъ нея
Лечиться данъ совѣтъ—
И утѣрай, не шути,
Пройдетъ и жаръ и бредъ!

Нѣ лучше доктора познать
Его лопуть *трубамъ*!
Какой онъ мастеръ исцѣлять
Людей съ болѣзнями утомъ!

Овъ вамъ предпринметъ почитать
Часовъ дѣлать въ день.....
А тамъ захочется спать
Пройдетъ любви и ты!

И вы мнѣ скажите спасибо
За данный вамъ совѣтъ,
Что я не женщина, а дико,
Что дѣлать данъ отвѣтъ!

А мнѣ, весьма пріятно буть,
Хотѣю немножко уяснить.....
И такъ какъ я сомнѣю здоровья
Желаю и вамъ удовольствіе буть!

Ужъ много, много лѣтъ томится
Душа безумною метой.....
И знаю и, что ей не сбѣгаться,
Что это бредъ души болѣвой!

Что не пойметъ моихъ желаній
Толпа холопьевъ и неждѣтъ!
И безконечный рядъ старинъ
Мнѣ предстоитъ измѣнить надеждѣ.

Но не поддаюсь горю злomu,
Нанерокуръ войду судьбѣ!
И събѣгу глаголомъ, пустою
Не совладаю со мной въ борѣтъ!

А. Шиле.

(Продолженіе описанія рисунковъ № 5).

54—64. Рушны, розетки и банты.

64. Рушетка голубой или бл. Отдѣльный бантъ, рис. 64, объясняетъ выкладку рисунка, которому можно сдѣлать одного на двухъ ниткахъ.

65. Бордюръ на юбку.

Ганды, еривалоты, кружевы и англійскіе швы. Бордюръ медальона сдѣланъ изъ двухъ еривалотъ 2 нитками. Начинаятъ съ извѣстной большой дуги: 2 д. уз., 1 ниво, 6 д. уз., 1 ниво, 3 д. уз., 1 ниво, 3 д. уз., 1 ниво, 6 д. уз., 1 ниво, 2 д. уз.; для выкладки соединяющій дуги берутъ постороннюю нитку и делаютъ 3 д. уз., 1 ниво, 3 д. уз. Остальныя дуги при однокрѣпкѣ часаъ ускоренно соединяются между собой боковыми ниво.

Когда узоръ выложенъ бѣдетъ на матерію юбки, то бордюръ еривалотъ выкладывается другою медальона такъ, чтобы крѣпкія ниво можно было захватить при выметываніи крайняго бокова; затѣмъ матерію вырѣзаютъ внутри медальона, а по срединѣ медальона выкладываютъ кружевыя швы. Узоръ соединяющій медальоны вымѣтывается французскими и англійскими швами.

66—73. Осенніе наряды.

И въ осеннихъ нарядахъ пелерина и шарфъ соперничаютъ съ пальто. Для образованъ мы выбрали три костюма, отличающіеся простотой и нарядностью; ихъ можно сдѣлать изъ сукна или же изъ любой модной матеріи.

въ Конторѣ Редакціи журнал